

A detailed illustration of a futuristic, war-torn city. The scene is dominated by tall, dark, industrial buildings with intricate details and a sense of decay. In the foreground, several soldiers in full combat gear, including helmets and backpacks, are seen from behind, walking away from the viewer down a street. The sky is filled with a hazy, blue atmosphere, and a large, glowing blue structure, possibly a space station or a massive building, is visible in the distance. The overall tone is gritty and cinematic.

Александр Восьмой

**QUAKE Проксима
Падение капсул**

Александр Восьмой

QUAKE Проксима Падение капсул

«Автор»

2026

Восьмой А.

QUAKE Проксима Падение капсул / А. Восьмой — «Автор»,
2026

Десантные капсулы падают на Проксиму сквозь пылающую атмосферу, но система наведения даёт сбой: бойцы приземляются не на плацдарм, а в мёртвый город-улей, где стены шевелятся, а коридоры перестраиваются на глазах. В темноте слышны шаги, которых не должно быть, и шёпот на языке, который никто не учил. Десантники быстро понимают, что строгги не просто ждут их — они пригласили их сюда. Книга играет на клаустрофобии, паранойе и ощущении, что сама планета стала ловушкой.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

QUAKE Проксима Падение капсул

Глава 1. «Сквозь пепел и пламя»

Капсула падала, как кусок раскалённого железа в глотку преисподней.

Пламя лизало броню, выжигая слои композита, и сквозь тонкий металл до бойцов доносился низкий, утробный рёв атмосферы Проксимы — будто сама планета стонала от их вторжения. Внутри отсека воздух стал плотным, горячим, почти осязаемым; он обжигал лёгкие при каждом вдохе. На панели перед техником Райли бешено мигали индикаторы: системы наведения срывались одна за другой, словно невидимые когти сдирали с них протоколы и алгоритмы.

— Мы не на плацдарме! — голос Райли дрожал, но он старался держать интонацию ровной, чтобы не выдать панику. — Координаты не совпадают ни с одной картой. Ни с одной! Это... это вообще не должно быть здесь.

Сержант Кайл Морн стиснул зубы. Он видел, как на экране координаты пляшут, как пьяные цифры, перескакивая между значениями, будто кто-то или что-то намеренно искажало реальность. В груди поднимался тяжёлый, липкий страх — не от огня, не от падения, а от ощущения, что они не просто сбились с курса. Их *вели* сюда.

— Держитесь! — рявкнул Морн, хотя сам не знал, к кому обращается: к отряду или к себе. — Держитесь, пока не приземлимся!

Но «приземление» было слишком мягким словом для того, что произошло дальше.

Удар пришёл снизу, как удар кулака титана. Капсулу встряхнуло так, что ремни впились в плечи и грудь, а в глазах на мгновение потемнело. Металл застонал, скрежетнул, и вдруг наступила тишина — неестественно густая, плотная, словно сама материя воздуха застыла от удара.

Секунды тянулись, как вечность. Никто не шевелился. Даже дыхание казалось слишком громким в этой мёртвой тишине.

Потом щёлкнул замок люка. Механизм сработал с натужным скрипом, будто сопротивлялся. И когда створка наконец отъехала в сторону, внутрь хлынул не прохладный воздух и не запах гари — а что-то иное. Тяжёлое, влажное, пропитанное запахом ржавчины, озона и чего-то ещё, от чего волосы на затылке вставали дыбом.

Перед бойцами открылась улица мёртвого города-улья.

Она была выстроена из тёмного, почти чёрного бетона, испещрённого странными бороздами — будто по стенам когда-то ползли гигантские насекомые, оставляя после себя неровные, пульсирующие шрамы. Тени лежали на мостовой неестественно, не там, где им следовало быть: они не подчинялись законам света, а жили своей собственной жизнью, вытягиваясь, скручиваясь, словно щупальца, готовые схватить любого, кто сделает шаг вперёд.

И стены... стены дышали.

Это было едва уловимо — лёгкое, ритмичное движение, будто под слоем бетона и металла билось огромное, чуждое сердце. Морн на секунду закрыл глаза, надеясь, что это игра света, галлюцинация от перегрузок. Но когда он снова открыл их, ничего не изменилось. Город был жив. И он смотрел на них.

— Не выходите, — прошептал Райли, сам не понимая, кому адресованы эти слова. — Не надо...

Но приказ уже не имел значения. Из глубины улицы донёсся звук — лёгкий, едва слышимый, но от него кровь стыла в жилах. Шаги. Чёткие, размеренные, но не человеческие. Слишком тяжёлые для сапог, слишком ровные для случайности. И они приближались.

А потом из темноты раздался шёпот.

Он не шёл по радиоканалу — он звучал прямо в голове, тихий, настойчивый, на языке, которого никто из бойцов никогда не слышал, но который каким-то образом был понятен на уровне первобытного ужаса. Слова сплетались в ритм, в мелодию, от которой хотелось закрыть уши, закричать, убежать — и в то же время остаться, слушать, раствориться в этом звуке.

Морн с трудом оторвал взгляд от улицы и посмотрел на своих людей. В глазах каждого читалось одно и то же: понимание. Они не просто приземлились не туда. Они попали в ловушку. И строгги не просто ждали их.

Они *пригласили* их.

— Оружие к бою, — тихо, почти шёпотом, приказал Морн, чувствуя, как его собственный голос звучит чуждо в этой искажённой реальности. — Держим строй. Не отходим друг от друга ни на шаг.

Люки остальных капсул открывались неподалёку — с тем же натужным скрипом, с той же неохотой. Бойцы выбирались наружу, оглядываясь по сторонам, сжимая оружие так, будто оно могло защитить их от самого воздуха этого города.

Город-улей замер, наблюдая.

И в этот момент Морн понял: самое страшное — не то, что ждало их впереди. Самое страшное — что этот город знал их имена. Ещё до того, как они произнесли их вслух.

Глава 2. «Город, который не должен существовать»

Кварталы мёртвого города-улья ложились перед отрядом, как страницы искажённого, безумного атласа. Сержант Морн шёл впереди, держа «Рейлган» наготове, и каждый его шаг отдавался в груди глухим эхом — не от звука, а от ощущения, будто сама реальность здесь была тоньше, словно треснувшее стекло, готовое рассыпаться от любого резкого движения.

Группы разошлись по заранее оговорённым маршрутам, но уже через несколько минут стало ясно: город не просто сопротивляется картографии — он издевается над ней.

— Мы прошли этот перекрёсток три раза, — хрипло выдохнул рядовой Харрис, вытирая пот, смешанный с копотью, со лба. — Три. И каждый раз он выглядит иначе.

Морн остановился, вглядываясь в угол, где должна была находиться старая трансформаторная будка — ориентир, отмеченный ещё на предбоевых схемах. Теперь на её месте зиял проём в стене, которого минуту назад не было. Дверь из тёмного металла, покрытая странными бороздами, напоминавшими отпечатки огромных пальцев, стояла прямо в сплошной стене.

— Кто-то её открыл? — тихо спросил Харрис.

— Никто, — ответил Морн, чувствуя, как внутри всё сжимается от неприятного предчувствия. — Она... появилась.

Он шагнул вперёд, приложил ладонь к металлу — и вздрогнул. Поверхность была тёплой. Не просто нагретой от дневного жара, а *живой*, с едва уловимой пульсацией, будто под слоем сплава билось чужое сердце.

— Не трогай, — резко бросил техник Райли, который шёл замыкающим. — Не надо.

Но было поздно. Морн уже отдернул руку, а в пальцах осталось странное ощущение — будто металл на мгновение прилип к коже, пытаясь удержать.

Дверь распахнулась сама.

Внутри оказалось помещение, которое не могло существовать в этой части города. Узкий коридор, уходящий вниз, освещённый тусклым красным светом, пульсировавшим в такт с той самой вибрацией, что чувствовалась на двери. Стены были покрыты наростами, похожими на застывшие капли воска, только это был не воск — это была органика, сросшаяся с металлом.

— Это не руины, — прошептал Райли. — Это... фабрика.

Они спустились по лестнице, которая, казалось, становилась длиннее с каждым шагом. Перила под пальцами были шершавыми, как хитиновая броня насекомого. Внизу коридор разветвлялся, и тут же по рации раздался голос — не из штаба, не от другой группы, а голос, который все они знали, но не должны были услышать.

— Они здесь, — произнёс голос лейтенанта Вэнса — командира пропавшего отряда, исчезнувшего ещё до начала операции. — Они везде. Не доверяйте углам. Углы здесь... неправильные.

Харрис резко обернулся, будто ожидая увидеть Вэнса за спиной. Но там никого не было. Только тень, которая на секунду стала слишком длинной, слишком плотной — и растаяла.

— Вэнс мёртв, — тихо сказал Морн, глядя на рацию, как на что-то осквернённое. — Он погиб неделю назад.

— Тогда кто это был? — голос Райли дрожал.

Ответа не было. Только тишина, в которой слышался едва уловимый шёпот — тот самый, что они слышали ещё в капсуле, на подлёте. Он не шёл по радиоканалу — он звучал *внутри*, в глубине черепа, как чужой язык, который каким-то образом становился понятным, стоило только прислушаться. А прислушиваться не хотелось.

Группа двинулась дальше, стараясь держаться вместе, но город будто испытывал их на прочность. Лестница, по которой они поднялись из коридора, теперь вела не вверх, а в глухую стену. Дверь, через которую они вошли, исчезла, оставив после себя лишь ровный шов в бетоне — будто её никогда и не было.

— Мы ходим по кругу, — пробормотал Харрис, и в его голосе впервые прозвучала настоящая паника. — Мы не двигаемся. Мы просто... кружимся.

— Нет, — твёрдо сказал Морн. — Мы идём вперёд. Просто город меняет дорогу под нашими ногами.

В одном из боковых отсеков они нашли казармы — или то, что от них осталось. Ряды коек, покрытые слоем пыли и ржавчины, стояли в идеальном порядке, будто ждали возвращения хозяев. Но хозяева не вернулись.

На полу, у дальней стены, лежали останки.

Не просто мёртвые тела — а нечто, что когда-то было людьми, но теперь стало частью чего-то большего. Кости были переплетены с металлическими пластинами, словно их не просто убили, а разобрали и собрали заново по чужим чертежам. Глаза — если их можно было так назвать — представляли собой линзы, вмурованные в глазницы, и они слабо мерцали тусклым красным светом.

Райли опустил на колени, дрожащими руками проводя над одним из тел сканером. Прибор запищал, выдавая данные, которые не имели смысла: температура тканей — выше нормы, уровень электромагнитной активности — зашкаливает, а структура ДНК... не поддаётся идентификации.

— Это невозможно, — прошептал он. — Это не может быть человеком. И не может быть машиной. Это... гибрид.

— Переработка, — тихо произнёс Морн, глядя на эти жуткие конструкции. — Строгги не убивают. Они используют.

В этот момент по рации снова раздался голос Вэнса. На этот раз он звучал ближе, отчётливее, будто говорил прямо из соседней комнаты:

— Бегите. Пока можете. Пока вы ещё... вы.

И тут город ответил.

Стены задрожали, и по полу пробежала волна, будто под бетоном что-то огромное повернулось во сне. Из вентиляционных решёток поползли тонкие, гибкие щупальца — не органические, не металлические, а нечто среднее: блестящие, покрытые сегментами, они тянулись к ногам бойцов, словно пробуя воздух.

— Огонь! — рявкнул Морн, первым открывая огонь.

Выстрелы разорвали тишину, и на мгновение показалось, что реальность отступила — но только на мгновение. Щупальца втягивались, исчезая в решётках, но в воздухе остался запах озона и чего-то гнилого, как будто город обиделся.

Когда эхо выстрелов стихло, наступила тишина — та самая, что была страшнее любого крика.

— Мы не можем оставаться здесь, — сказал Морн, оглядываясь на своих людей. В их глазах читался не просто страх — это было осознание: они не в руинах. Они внутри живого механизма, и он только начал просыпаться.

— Держим строй, — приказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Двигаемся к точке сбора. И не смотрите на углы.

Потому что теперь он тоже видел: углы здесь были не прямыми. Они слегка изгибались, как будто пространство сжималось, готовясь поглотить их.

Город-улей наблюдал. И ждал.

Глава 3. «Шёпот в эфире»

Тишина в эфире длилась ровно три секунды — и эти три секунды показались Морну самыми ценными в его жизни. В них ещё можно было поверить, что они просто в руинах, что сбой навигации — обычная поломка, а странные тени — игра света. Но потом эфир ожил.

И это было хуже любого обстрела.

Сначала — лёгкий треск, похожий на статику, будто кто-то крутил ручку приёмника, перебирая частоты. Потом сквозь белый шум просочилось что-то ещё: ритмичный, низкий гул, напоминающий дыхание огромного зверя. А следом — шёпот.

Он не был похож на человеческую речь. В нём не было гласных и согласных, к которым привык слух; это был поток звуков, выстроенный по чужой, нечеловеческой логике — как будто слова складывались не из букв, а из углов, из теней, из боли. И самое страшное — он проникал не только через динамики шлемов. Он звучал *внутри*, прямо за глазами яблоками, отдаваясь тупой пульсацией в висках.

— Вы это слышите? — голос Харриса дрожал, срываясь на хрип. — Это... это не передача. Оно прямо в голове!

Райли, склонившийся над панелью переносного коммуникатора, лихорадочно щёлкал тумблерами, крутил регуляторы, пытаясь отсечь сигнал. Но чем сильнее он давил на фильтры, тем чище становился шёпот, тем отчётливее проступали в нём интонации — будто невидимый диктор наконец нашёл нужную частоту и теперь говорил прямо в ухо каждому бойцу.

— Отключи! — рявкнул Морн, хватая техника за плечо. — Просто выруби всё к чёрту!

— Не могу! — Райли дёрнулся, его пальцы замерли над панелью, будто сами не решались нажать на кнопку. — Если я обесточу систему, мы потеряем связь с остальными группами. А если оставлю — этот сигнал... он нарастает. Я чувствую, как он давит на мозг!

И он не преувеличивал. Морн и сам ощущал это — нарастающее давление, будто череп сжимали невидимые тиски. Перед глазами мелькали странные образы: не воспоминания, а чужие картины — коридоры, которых не было на картах, залы, где с потолка свисали пульсирующие кабели, и в центре — нечто огромное, неподвижное, наблюдающее. Эти видения приходили не как сны, а как знания, которые ему *вкладывали*.

В этот момент город-улей окончательно проснулся.

Из вентиляционных шахт, скрытых за решётками в потолке, начали выползать первые твари.

Они были небольшими — не больше человеческой ладони, — но их конструкция бросала вызов любой логике. Тела состояли из сегментов, напоминающих хитин, но при этом блестели холодным металлическим отсветом. Суставы щёлкали, как лезвия ножей, а на спинах у них мерцали крошечные красные огоньки — не светодиоды, а что-то живое, пульсирующее в такт с ритмом шёпота в эфире.

Твари не спешили. Они не бросались в атаку, не издавали рычания или визга. Они просто... спускались по стенам, цепляясь за трещины в бетоне, и занимали позиции, образуя иде-

альные полукруги вокруг группы. Их движения были слишком точными, слишком выверенными — как у солдат, выполняющих приказ.

А потом в темноте загорелись тысячи красных точек.

Это были не просто огоньки. Это были глаза.

Они вспыхивали в нишах, в проёмах дверей, в щелях между плитами — повсюду, куда не доставал свет фонарей. Тысячи маленьких, холодных, немигающих точек, следивших за каждым движением людей. И в этот момент Морн понял: они не просто окружены. Они — в центре внимания. И кто-то (или что-то) изучает их реакцию.

— Огонь! — крикнул он, поднимая «Рейлган».

Первый выстрел разорвал тишину, и на мгновение показалось, что реальность отступила: разряд света прорезал темноту, ударив в ближайшую тварь и превратив её в облако искр и обломков. Но эффект был недолгим. Остальные существа даже не вздрогнули. Они лишь слегка изменили положение, будто фиксируя в памяти траекторию выстрела, угол прицеливания, время реакции.

— Они не пытаются нас убить, — хрипло произнёс Райли, глядя на то, как обломки первой твари медленно растворяются в воздухе, превращаясь в серый туман. — Они... записывают.

Словно в подтверждение его слов, шёпот в эфире изменился. Ритм стал быстрее, звуки — резче, и в них проступили новые оттенки — не просто слова, а команды. И эти команды были адресованы не людям.

По коридору прокатилась волна движения. Из боковых проходов начали выходить более крупные фигуры — первые настоящие воины строггов.

Их тела представляли собой жуткую смесь органики и механики: грудные клетки были раскрыты, обнажая пульсирующие узлы, похожие на сердца, но сделанные из тёмного металла; руки заканчивались лезвиями, которые щёлкали при каждом шаге; а вместо лиц у них были гладкие панели с рядами красных сенсоров, которые сканировали пространство, фиксируя тепло, движение, даже сердцебиение.

Но страшнее всего было не их оружие и не их броня. Страшнее всего было то, как они двигались — не как машины, не как звери, а как существа, которые *знали*, где окажутся люди ещё до того, как те решат сделать шаг.

Первая стычка была короткой и жестокой.

Один из бойцов, рядовой Коул, бросился вперёд, пытаясь прорвать строй противника. Его «БФГ» выплюнул заряд плазмы, который снёс голову ближайшему строггу, но на его месте тут же возникли двое других. Коул успел сделать ещё два выстрела, прежде чем его окружили.

Строгги не стали его убивать сразу. Они схватили его, удерживая стальными хватками, и один из них наклонился к его шлему — не для удара, а будто для изучения. Красные сенсоры замерли в сантиметре от визора, сканируя, анализируя, *запоминая*.

— Отпусти его! — Морн рванулся вперёд, но путь ему преградили несколько мелких тварей, которые внезапно выросли в размерах, превратившись в живые барьеры из хитина и металла.

Коул закричал — не от боли, а от ужаса. Его крик смешался с шёпотом в эфире, и на секунду эти два звука слились в единый, невыносимый диссонанс, от которого у всех бойцов заложило уши.

А потом строгг, склонившийся над Коулом, сделал движение — быстрое, точное, почти изящное. Его рука-лезвие скользнула по шлему, не разрезая его, а словно *считывая* что-то с поверхности. И в тот же миг Коул обмяк, его тело обмякло, а глаза остекленели.

Когда строгги отступили, оставив его лежать на полу, Морн подбежал к нему. Визор шлема был цел, но внутри... внутри что-то изменилось. Глаза Коула больше не были челове-

ческими. В них отражался тот самый красный свет, который мерцал в темноте, и в этом свете читалось не просто отсутствие жизни — а присутствие чего-то чужого.

— Он мёртв? — прошептал Харрис, стоя позади.

Морн не ответил. Он знал ответ. Коул не был мёртв. Он был... использован.

В этот момент шёпот в эфире стих. Не оборвался резко, а постепенно растворился, как туман под лучами солнца. Но тишина оказалась ещё страшнее. Она была наполнена ожиданием — будто город-улей только что закончил первый этап эксперимента и теперь ждал следующего.

— Всем отходить, — тихо приказал Морн, не отрывая взгляда от тела Коула. — Медленно. Без резких движений. Мы здесь больше не гости. Мы — подопытные.

Группа начала отступать, пятясь назад, не сводя глаз с красных точек, которые всё ещё мерцали в темноте. Каждый шаг давался с трудом, каждый звук казался слишком громким, каждый угол — потенциальной ловушкой.

Город-улей наблюдал. И готовился к следующему этапу.

Chapter 4. «Протокол „Тишина“»

Приказ пришёл не по радио — его передали через планшет, экран которого мигнул один раз и погас, будто сам боялся выдать лишнее.

«Переход на протокол „Тишина“. Все каналы связи — на ноль. Общение — только визуальные сигналы и письменные заметки. Любой звук в эфире может быть перехвачен и использован против вас».

Морн прочёл эти строки дважды, прежде чем передать планшет дальше. В них не было паники — только холодная, безжалостная логика, от которой становилось ещё страшнее. Если командование запрещало говорить, значит, шёпот в эфире был не просто помехой. Он был оружием.

Отряд замер на перекрёстке, где стены сходились под странным, чуть изогнутым углом — будто пространство здесь было сшито из кусков разных реальностей. Бойцы молча переглянулись. Без слов они понимали друг друга лучше, чем когда-либо: страх стягивал их в единый узел, делал движения синхронными, взгляды — острыми, как лезвия.

Харрис достал из нагрудного кармана блокнот — потрёпанный, с загнутыми уголками, исписанный заметками, которые теперь казались детскими каракулями перед лицом того, что ждало их впереди. На первой чистой странице он вывел крупно: «Держим строй. Не расходимся». Передал блокнот Морну. Тот кивнул, поставил галочку и передал дальше — Райли, который в ответ показал два пальца, указывая на два коридора, расходившихся от перекрёстка.

Они выбрали правый.

И с первого же шага тишина превратилась в пытку.

В обычной ситуации лязг брони, тяжёлое дыхание, скрип суставов экзоскелета были бы просто фоновым шумом — привычным, почти уютным звуком войны. Но теперь, когда каждый звук мог стать сигналом для врага, эти привычные шумы звенели в ушах, как удары молота. Каждый шаг отдавался в груди, каждый вдох казался слишком громким, слишком уязвимым.

Город будто прислушивался.

Коридор тянулся вперёд, сужаясь, как глотка. Стены здесь были не просто бетонными — они были покрыты наростами, напоминавшими застывшие волны. Но это была не застывшая материя. Она *пульсировала*. Едва заметно, в ритме, который не совпадал ни с биением сердца, ни с дыханием — будто у города был свой, чужой пульс, и он подстраивался под них, изучал, копировал.

Райли остановился, приложил ладонь к стене — и тут же отдернул её, будто обжёгся. Он что-то быстро написал в блокноте и протянул Морну:

«Температура растёт. И... она меняется. Не равномерно. Как будто реагирует на прикосновение».

Морн посмотрел на стену. Теперь, когда он знал, куда смотреть, он видел это: в том месте, где ладонь Райли касалась поверхности, тёмная корка слегка посветлела, будто под ней пробежала волна.

Они двинулись дальше, стараясь ступать как можно тише — что было почти невозможно в тяжёлой броне. Каждый шаг всё равно звучал, как выстрел в пустой комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.